

В. А. Мелкин

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
В
ГАЛИЦИИ

В. МАЛКИН

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГАЛИЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЬВОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русская литература и развитие украинского общественно-литературного движения в Галиции во второй и третьей четверти XIX века.	3
Русская литература и развитие украинской литературы в Галиции в последней четверти XIX и в начале XX вв.	76

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
И. Т. Ищенко

Редактор Ю. Г. Андреева
Техредактор Т. В. Саранюк
Корректор Ф. О. Гриншпон

Виктор Александрович Малкин.
Русская литература в Галиции.

БГ 05535. Сдано в набор 13. VI, 1957 г. Подписано к печати 9. IX. 1957 г.
Формат бумаги 60х92¹/₁₆=5,125 бум. л. — 10,25 печ. л. Уч.-изд. л. 10,4.
Тираж 3000. Цена 5 руб. + переплет 1 руб. Зак. 1435.

Нестеровская городская типография Львовского областного управления культуры.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И РАЗВИТИЕ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ И ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

I

История Западной Украины — история многовековой неза-
тухающей борьбы порабощенного украинского народа за свою
национальную и социальную независимость. Соединенные уси-
лия польских магнатов и католической церкви, австрийских
жандармов и прислужников австрийского правительства из
польского дворянства и украинской буржуазии не смогли заду-
шить стремления западноукраинских трудящихся к политиче-
скому воссоединению со всей Украиной, к прочному государст-
венному союзу с братским русским народом.

В XIV веке, когда наша родина, обессиленная княжеской
междоусобной враждой, задыхалась под гнетом татаро-мон-
гольских завоевателей, польские феодалы захватили галицкую
землю. Верхушка украинского общества постепенно ассимили-
ровалась. Чтобы сохранить материальные привилегии и упро-
чить свое положение господствующего класса, украинские по-
мещики переходили в католичество, перенимали польский
язык, усваивали понятия и нравы польской знати и теряли свой
национальный облик. Срастаясь с польскими панями, они ста-
новились чужими своему народу не только в социальном, но
и в национальном отношении.

Аналогичным образом поступало и высшее духовенство.
Князья церкви без особых колебаний переходили на службу
к Ватикану. Правда, и среди духовных и среди светских магна-
тов были отдельные представители, пытавшиеся противостоять
насильтвенной полонизации, но это не было характерно для
господствующего класса в целом.

«Польские паны с помощью иезуитов и других черных аген-
тов Ватикана — извечных врагов славянских народов — вводи-
ли церковную унию, глумились над верой и обычаями украин-
ского народа. Украинские язык и культура подвергались пору-
ганию. Проводилась политика насильственного ополячивания.

Шляхта пыталась духовно поработить украинский народ, лишить его связей с русским народом. Страданиям трудящихся масс не было границ»¹.

Свыше четырех столетий длилось в Галиции нераздельное владычество польских феодалов. Однако все попытки ополячить украинский народ оставались безрезультатными. С изумительной стойкостью народ сопротивлялся национальному, религиозному и социальному гнету и упорно отстаивал свой язык, свои традиции, свою религию. Политика жестокого национального угнетения и насильственной полонизации, усиливавшая и без того невыносимый социальный гнет, порождала острое недовольство широких народных масс, не раз переходившее в вооруженное восстание. Когда в 1648 году началась всенародная освободительная война, под знамена Богдана Хмельницкого встали и трудящиеся западноукраинских земель.

В 1772 году по первому разделу Польши Галиция отошла к Австрии. Полонизация украинцев при этом не прекратилась. Польское дворянство и польская буржуазия продолжали по великодержавной традиции считать себя господствующей нацией, тем более, что в их руках оставалось экономическое могущество. Австрийское правительство, проводившее политику «разделяй и властвуй», сохраняло за польскими помещиками положение господствующей нации, чтобы их руками держать в повиновении украинское крестьянство. Национальный гнет в эту пору усиливается, так как наряду с полонизацией начинаются попытки онемечивания украинского населения.

Переход Галиции под власть Австрии ничего не изменил в экономическом и правовом положении трудового народа. Австрийские власти, стремясь ограничить права своевольной польской знати и удержать ее в постоянном повиновении, сделали ряд попыток привлечь на свою сторону украинское крестьянство. «Просвещенный монарх» Иосиф II издал закон об освобождении крестьян от личной зависимости, а в конце своего правления заменил денежным взносом барщину и натуральные повинности. Эти правительственные мероприятия в действительности ничего не изменили в положении крепостного крестьянина, так как они, вызвав резкое недовольство земельной аристократии, при жизни Иосифа II остались без применения, а после его смерти были официально отменены.

Русские офицеры, побывавшие в годы Отечественной войны 1812 года в Галиции, были поражены крайне нищенским состоянием украинского крестьянства. Ф.Глинка отмечал в своих «Письмах русского офицера» безрадостные впечатления, вынесенные им от знакомства с жизнью западноукраинского села: «Теперь сижу я в хате у мужика в старой Галичине; печь топит-

¹ Доклад на Юбилейной сессии Верховного Совета Украинской ССР 22 мая 1954 года.

ся, трубы нет; густой дым наполняет и коптит всю хату; вместе с нами лежат коровы. Взглянешь на хозяев и ужаснешься: они все в лохмотьях и закоптели. На бледных лицах их изображается горсть; они живут в убожестве и нищете»¹.

Если украинское крестьянство ничего не выиграло от присоединения Галиции к Австрии, то нельзя сказать того же о духовенстве.

В католической Польше положение не только православно-го, но и униатского духовенства было совершенно бесправным. Достаточно сказать, что сельские священники наряду со своими прихожанами были обязаны отрабатывать барщину. Один из представителей высшего духовенства в письме, написанном в 1773 году, перечислив всевозможные повинности и обиды, от которых украинца не спасает и сан священнослужителя, с горечью заключает: «Жаль, что конфедератам не повезло, очевидно, они нас уже вырезали бы и на том бы успокоились, а то бьют нас, бьют, а не убьют»².

Если сопоставить эту жалобу с письмом Максима Кривоноса воеводе Заславскому, в котором сподвижник гетмана Хмельницкого предъявил военачальнику Вишневецкому обвинение в зверствах над мирным украинским населением, в том, что тот попам нашим глаза высверливал»³, то станет очевидным: положение украинского духовенства оставалось одинаково бесправным на протяжении всего периода польского господства.

Австрийское правительство уравнило в правах униатское духовенство с католическим. Был издан закон, запрещающий посылать на барщину лиц духовного звания. В 1783 году открылась первая украинская духовная семинария с преподаванием основных дисциплин на украинском языке. Несколько позднее введено было преподавание на «славяно-русском» языке на богословском факультете Львовского университета.

Этим объясняется преувеличение прогрессивной деятельности Иосифа II, которое встречается у первых представителей галицкой интеллигенции, сплошь клерикальной по своему составу. «Говорить об интеллигенции перед уничтожением крепостного права у нас, — писал Иван Франко, — это значит говорить о духовенстве, — так как никакой другой интеллигенции у нас не было»⁴. Униатское духовенство предпочтительно относилось к австрийскому правительству, потому что у него искало защиты от панского произвола. И каждый раз, когда поднимался вопрос о восстановлении старой Польши, украинское духовенство выступало с пропагандой верноподданнических чувств. Тем

¹ Ф. Глинка. Письма русского офицера, М., 1815—1816.

² «Галичанин», кн. I, вып. I, 1862, стр. 141.

³ J. Michałowski. Księga pamiętnicza. Краков, 1864, стр. 88.

⁴ И. Франко. Критические письма о галицкой интеллигенции. «Молот», 1878, стр. 89.

самым оно становилось орудием в руках австрийских властей, своей деятельностью укрепляя проводимую ими политику.

Совершенно очевидно, что основной массе украинской поповской интеллигенции были безразличны интересы крепостного крестьянства. Этим и объясняется упорство, с которым она продолжала антипольскую пропаганду и тогда, когда демократические элементы взяли верх в польском революционном движении и когда прямые интересы украинского крестьянства требовали поддержки им польской революции.

Поддерживая униатское духовенство, как противовес польскому католицизму, австрийское правительство продолжало проводимое польскими властями гонение на православие. Именно при Иосифе II был закрыт Манявский скит, последний оплот православия в Западной Украине.

Преследованию подвергалось все, что напоминало украинскому народу об его общности с русским народом. В числе мероприятий по искоренению русофильских симпатий не последнее место занимало запрещение ввоза русских книг, введенное в 1822 году. Русофобская политика австрийского правительства была направлена против развития украинской народности в Галиции.

В массе украинского крестьянства, составлявшего основную часть населения в Галиции, полуторавековая немецкая национальная агрессия имела еще меньше успеха, чем давнее владычество поляков. Украинский народ продолжал говорить, думать и писать на родном языке, никогда не терял веры в свое грядущее освобождение.

Сознание кровного родства с великим русским народом было всегда важнейшей моральной опорой украинского народа в его борьбе с насильственной полонизацией и германизацией населения захваченных иноземными поработителями украинских земель. С упованием на помощь русского народа постоянно были связаны заветные мечты украинцев о национальной независимости и о создании свободного украинского государства.

«Украинский народ знал, что существует русское государство, которое все больше и больше набирает сил, что живет в нем братский русский народ одной с ним православной веры, который хоть и стонет в царском крепостническом ярме, как и украинский, однако в его душу не лезут грязными сапогами. Поэтому неудивительно, что взоры украинского народа обращались всегда на север, с надеждою, что только оттуда, из России, придет освобождение»¹.

Русские и украинцы, побывавшие в разное время и при различных обстоятельствах в Галиции, единодушно свидетельствовали, как болезненно переживало западноукраинское крестьян-

¹ П. Крип'якевич. Перші зв'язки Західної України з Росією. «Радянський Львів» № 2—3, 1946, стр. 68.

ство свою оторванность от России и Украины. Насколько упорным и постоянным было нежелание находиться под властью Австро-Венгрии и Польши, настолько неизменным было их традиционное представление о России, как о государстве, от которого они отторгнуты лишь в результате величайшей исторической несправедливости¹.

Известный украинский этнограф П. Лукашевич в предисловии ко второй части изданного им в 1836 году в Петербурге сборника «Малороссийские и Червоннорусские народные думы и песни» писал: «Червонноруссы, не взирая на бесконечное свое иноплеменное подданство, которое переносят с терпением, сохраняют по сию пору привязанность к своему происхождению и имени, а следовательно, и к России; Украина, Малороссия есть для их сердца обетованная земля, куда стремятся все их помыслы и думы»².

П. Лукашевич, собирая украинский фольклор, побывал в самых глухих и отдаленных карпатских деревушках и всюду встречал радушное гостеприимство. Приезжий из России в любой хате был желанным гостем. От него везде хотели слышать рассказы о жизни украинцев в России. П. Лукашевич обратил внимание на любовь к Украине, звучащую в записанных им в Галиции народных песнях. Сознанием национального единства, глубоко живущего в душе галичанина, автор «Малороссийских и Червоннорусских народных дум и песен» объясняет широкое распространение в Галиции украинских дум. «Кто бы поверил, что галицкий пастух знает гораздо более дум о героях Украины и ее истории, нежели поседельный малороссийский козак. Он гордился подвигами малориссиян, как своими собственными. Он радуется их счастьем и успехам и тужит в прекрасных своих песнях «о пригоде козацкой»³.

А. Пыпин, комментируя замечания П. Лукашевича о широком распространении в Галиции украинских дум, приходил к выводу: «Содержание этих дум есть история борьбы Южной Руси против ее угнетателей. Галиция была явно на стороне Хмельницкого и ждала избавления, но оно не пришло»⁴.

Избавление пришло позднее, когда советский народ протянул руку братской помощи трудящимся Западной Украины. Однако и в начале XIX века, особенно после разгрома наполеоновских полчищ, была широко распространена версия о скором приходе русских войск для освобождения Галиции. С этим связывалась надежда не только на национальную и культурную

¹ Ф. Глинка. Письма русского офицера. М., 1815—1816; В. Броневский. Путешествие от Триеста до Петербурга в 1810 году. М., 1828; А. Глаголев. Записи русского путешественника. СПб., 1837.

² П. Лукашевич. Малороссийские и Червоннорусские думы и песни. СПб., 1836, стр. 109.

³ Там же.

⁴ А. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1892, стр. 143.

независимость в рамках единого русского государства, но и на улучшение экономических условий, на освобождение от ненавистного панского гнета.

Нет надобности разбирать, насколько эти надежды были наивны и далеки от реальной действительности. Очевидно, что интересы польских помещиков царскому правительству были более понятны, чем интересы украинских крестьян. Вместе с тем известно, как долго у русского мужика держалась вера в благие намерения царя. Тем более трудно было разобраться в социальной природе царской власти украинскому крестьянину, угнетаемому польскими помещиками и австрийской администрацией.

Отношением украинского крестьянства к русскому народу определились и русофильские симпатии передовой части западно-украинской интеллигенции. «Отношение народной массы к России, — писал в специальном исследовании «Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю половину XIX века» И. С. Свентицкий, — отразилось и на карпаторусской интеллигенции, которая, поддаваясь как народным симпатиям, так и русофильству своих славянских соседей: чехов, словаков и сербов, приветствовала восторженными одами главные события русской жизни»¹.

О русофильских симпатиях галицкой интеллигенции свидетельствовал ее постоянный интерес к русской культуре и русскому языку. Определенно можно говорить о знакомстве известной части западноукраинской интеллигенции с русским языком уже в самом начале XIX столетия. Так, в 1803 году в Петербургский педагогический институт, а в 1805 году в Харьковский университет были приглашены на замещение вакантных преподавательских должностей ученые из Галиции, в числе которых находились: воспитанник Львовской духовной академии В. Г. Кукольник, профессор Львовского университета П. Д. Лодий и другие. Выходцы из Западной Украины встречаются и в числе учителей первой Киевской гимназии в начальный период ее существования². Все они в какой-то мере должны были владеть русским языком. В противном случае их педагогическая деятельность в русских учебных заведениях была бы невозможной.

Русские книги в конце XVIII и в первых десятилетиях XIX века встречались редко, но все же встречались. Один из видных представителей русофильской галицкой интеллигенции Я. Головацкий сообщает названия книг, находившихся в ту пору в галицких библиотеках и в собраниях отдельных ученых. Наряду с богословской литературой он называет сочинения Ломоносо-

¹ И. С. Свентицкий. Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю половину XIX века. СПб., 1906, стр. 16.

² Ф. Ю. Свистун. Галицкие уроженцы — учителя первой Киевской гимназии. «Вестник Народного дома», ч. I, Львов, 1911, стр. 132—140.

ва, Феофана Прокоповича, Державина и других видных писателей XVII—XVIII веков. «Из этого беглого обозрения важнейших изданий XVII—XVIII столетий можно убедиться, — пишет Я. Головацкий, — что любознательные люди того времени имели богатую пищу для своего образования и утверждения в знании славяно-русского языка и его письменности»¹.

К этому же выводу приходит и И. С. Свентицкий: «Как ни мало доступна была русская книга австрийским славянам, еще меньше галичанам, она все-таки попадала в Карпатскую Русь и делала свое дело»².

Начиная с 30-х годов XIX века, по мере роста национально-освободительного движения русских книг в Галиции становилось все больше. В произведениях русских писателей западно-украинские читатели находили ответ на волнующие их вопросы общественной жизни. Передовая русская литература оказала огромное влияние как на идейно-художественное формирование украинских писателей, так и на все развитие украинской общественной мысли в Галиции.

II

Начало возрождения украинской народности в Галиции относится к 30—40-м годам прошлого столетия, когда наступающий капитализм расшатал феодальные основы Австрийской империи. Говоря об экономическом, общественном и литературном развитии Галиции того времени, необходимо постоянно учитывать, что она была на положении отсталой колонии реакционной Австрии, характеризуя которую Энгельс писал: «Ни для одной страны бурный поток революции и трехкратное нашествие Наполеона не прошли так бесследно, как для Австрии. Несомненно также, что ни в одной стране феодализм, патриархальность и рабское мещанство, охраняемые отечественной дубинкой, не сохранились в столь неприкосновенном и полном виде, как именно здесь...» «Австрийский дом, — пишет далее Ф. Энгельс, имея в виду династию Габсбургов, — был с самого начала представителем неподвижности и реакции в Европе»³.

Приход капитализма означал конец этой неподвижности. Цитируя слова австрийского императора Франца об Австрии: «Меня и Меттерниха она еще выдержит», Энгельс заметил:

¹ Я. Головацкий. О книгах, находящихся в руках отдельных ученых или в библиотеках и архивных собраниях в Галицкой Руси. Бумаги Я. Головацкого в рукописном отделении Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Шchedрина, № 113.

² И. С. Свентицкий. Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ю половину XIX века, стр. 99.

³ Ф. Энгельс. Начало конца Австрии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. V, стр. 250—251.

«Да, она выдержала даже французскую революцию, Наполеона и июльские бури. Но пара она выдержать не может. Пар проложил себе путь сквозь Альпы и Богемский лес, пар лишил Дунай его роли; пар разорвал в клочки австрийское варварство и тем самым вырвал почву из-под ног Габсбургского дома»¹.

Бурный рост национального движения в этот период наблюдается во всех австрийских провинциях. В Галиции, где основную массу населения составляли украинские крестьяне, а помещики были в подавляющем большинстве поляками, крестьяне-украинцы охотно становились под национальные знамена украинской буржуазии. Поэтому там «национальное движение принимает... массовый характер, все более и более разрастаясь»².

Вместе с тем сама украинская буржуазия в Галиции в первой половине XIX столетия была еще экономически слаба и неспособна к активной политической борьбе. Этим и объясняется, что украинское возрождение в Галиции выступает в начале в форме литературного просветительства, в котором отсутствовали явно выраженные политические мотивы. Борьба за украинскую национальную культуру, выразившаяся прежде всего в борьбе с польским и немецким засильем в языке, была борьбой демократической, защищавшей коренные интересы украинского народа.

Начальный период развития украинской литературы в Галиции связан с именем Маркиана Шашкевича. Маркиан Шашкевич возглавил борьбу за украинский язык и за народность в украинской литературе. Он с жадным вниманием относился ко всему, что расширяло его представления о России и выступал поборником идеи сближения с русским народом и русской культурой.

Иван Франко неоднократно писал о Маркиане Шашкевиче и его роли в развитии украинской литературы: «Центром галицко-украинского литературного возрождения был Львов. Здесь в начале тридцатых годов учились в греко-католической духовной семинарии молодые люди: Маркиан Шашкевич, Яков Головацкий, Иван Вагилевич, Никола Устьянович, Илькевич, Минчакевич и другие, которых мы справедливо считаем творцами этого возрождения... Их старания не были бессознательным инстинктивным обращением живых натур от книжной, церковной мертвечины к свежей народной почве. В их мыслях, а особенно у М. Шашкевича, росли и прояснялись гораздо более широкие замыслы: создать единый южнорусский язык и литературу и с их помощью воскресить всю южнорусскую нацию для новой жизни»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 255.

² И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

³ И. Франко. Литературное возрождение Южной Руси и Ян Коллар. Избр. соч., т. V. М., 1951, стр. 428.

О Маркиане Шашкевиче существует довольно обширная литература. Вышедший в 1937 году библиографический указатель о нем содержит названия 184 работ¹. В этом указателе перечислено немало бесцветных и тенденциозных статей. Но есть работы, представляющие первостепенный интерес. О Маркиане Шашкевиче неоднократно писал его ближайший друг Яков Головацкий. Ряд сведений о нем находим в воспоминаниях его младших современников — Н. Устьяновича и Б. Дедицкого. Исключительную ценность представляют высказывания о Маркиане Шашкевиче Ивана Франко. Из других работ следует назвать публикацию И. Свентицким «Материалов по истории возрождения Карпатской Руси», обширную работу И. Зеневича (литературный псевдоним О. Терлецкого) «Литературные стремления галицких русинов»², статью О. Маркова «К истории «Русалки Днестровой»»³, публикацию М. Тершаковца «Материалы и заметки по истории национального возрождения Галицкой Руси в 1830—1840 гг.»⁴, исследования М. Возняка.

Личность Маркиана Шашкевича, характер его литературной и общественной деятельности служили предметом постоянного внимания всех, кто интересовался историей украинской литературы. И все же один вопрос остался неосвещенным — его отношение к русскому народу и русской культуре. Лишь М. Возняк заметил, что «Шашкевич ориентировал украинскую литературу в Галиции на передовую русскую культуру, а не на немецкий романтизм того времени»⁵. А между тем при беспристрастном рассмотрении даже тех фактов, которые дошли к нам в тенденциозном националистическом освещении, становится очевидным, что Маркиан Шашкевич был для своего времени одним из наиболее ревностных носителей идеи родства и общности украинского и русского народов. Отсутствие прямых высказываний по этому вопросу в литературном наследии самого Маркиана Шашкевича свидетельствует лишь о строгой конспирации, которой он вынужден был постоянно придерживаться.

Весьма показательно, что политические противники М. Шашкевича неоднократно обвиняли его в русофильстве, которое в глазах австрийской полиции было тяжелым политическим преступлением. В этой связи нельзя не остановиться на доносе Д. Мохнацкого.

В апреле 1837 года во Львовской духовной семинарии была обнаружена революционная прокламация «Письма к друзьям народа» («Листи до приятелів люду»). Началось следствие, в результате которого несколько студентов были отданы под суд

¹ Е. Пеленский. «Русалка Дністрова», материалы для библиографии, Львов, 1937.

² «Житє і слово», т. 1—2, Львов, 1894.

³ «Вестник Народного дома», ч. I, Львов, 1911.

⁴ «Українсько-руський архів», т. III, Львов, 1907.

⁵ Наукові записки Інституту суспільних наук, т. I, Киев, 1953, стр. 114.

и подверглись тяжелому наказанию. В процессе следствия полиция обнаружила материалы, компрометирующие (в ее глазах) Маркиана Шашкевича, о чем можно судить по отношению, адресованному директором полиции семинарскому начальству. Ссылаясь на показания осведомителя, он уведомлял о существовании во Львовской духовной семинарии славянского общества, руководителем которого Маркиан Шашкевич будто бы написал революционную прокламацию, призывающую галичан к восстанию против австрийского правительства. Одновременно директор полиции сообщил, что члены кружка Маркиана Шашкевича переписываются с Россией и намерены в России издать галицко-русский словарь¹.

В том же 1837 году был исключен из Львовской духовной семинарии и затем арестован семинарист Дмитрий Мохнацкий.

Пробыв несколько лет в следственной тюрьме, он не выдержал и стал на путь предательства и провокации. Стремясь заслужить милость полиции, Д. Мохнацкий написал донос на М. Шашкевича. В этом доносе он сообщал, что в период пребывания его во Львовской семинарии там существовала «российская партия», во главе которой стоял М. Шашкевич. Члены этого русофильского кружка пропагандировали изучение русского языка и русской литературы, распространяли русские книги, посредством чего воспитывали у украинских юношей любовь к России. Несомненно, что если бы всего этого не было, то не было бы у Д. Мохнацкого и основания для доноса. Он, как и все провокаторы, выслуживаясь перед полицией, искажал события, добавлял в угоду полиции многое от себя, но связь патриотических чувств Маркиана Шашкевича с его русофильскими симпатиями он определил верно.

Маркиан Шашкевич родился в 1811 году в семье сельского священника. По окончании Бережанской гимназии в 1829 году он поступил во Львовскую духовную семинарию, откуда в феврале 1830 года был исключен.

Причины исключения Маркиана Шашкевича из Львовской духовной семинарии по-настоящему не выяснены. Биографы его обычно ограничиваются глухим упоминанием о какой-то мелкой бытовой провинности. Е. Огоновский в своей истории украинской литературы («История литературы русской») излагает это событие так: «Не долго пробыл Маркиан Шашкевич в духовной семинарии. Однажды было разрешено ему и его товарищу Базилевичу отлучиться из семинарии. Они прогуляли, не вернулись к указанному часу, за что Маркиан Шашкевич и был из семинарии исключен»². В официальных семинарских

¹ Г. Тершаковец. Материалы и заметки к истории национального возрождения Галицкой Руси в 1830—1840 годах. «Українсько-руський архів», т. III, Львов, 1907, стр. 162.

² Е. Огоновский. История литературы русской, Львов, 1889, т. II, стр. 358.

документах причиной исключения Маркиана Шашкевича названо участие семинариста в дружеской пирушке и появление его на улице в нетрезвом виде»¹.

Совершенно очевидно, что эта провинность по своей незначительности не могла послужить действительной причиной для принятия столь крайней меры. Видимо, отмеченный проступок явился лишь поводом к исключению при наличии других, более существенных оснований. Вспомним, что в те времена начальство не любило выносить сор из избы не в одной Галиции. В 1832 году был исключен из Московского университета В. Г. Белинский и, если судить по официальным документам, также по причине политически безобидной и малозначащей. Удаление Маркиана Шашкевича из учебного заведения тем более должно было иметь веские основания, что учился он хорошо: это не могло не располагать в пользу Маркиана Шашкевича его наставников и учителей.

Дело, следовательно, не в опоздании и не в дружеской пирушке. Действительную причину его исключения из духовной семинарии следует искать в том, что он уже тогда, буквально в первые же месяцы пребывания в семинарии, выделялся пылким патриотизмом и русофильскими симпатиями, чем и обратил на себя неблагоприятное внимание семинарского начальства.

Есть все основания полагать, что первый, созданный по инициативе М. Шашкевича литературный сборник «Сын Русе» («Сын Руси») был составлен именно в это время, а не в 1833 году, как об этом на основании весьма недостоверных и необидительных источников сообщают его биографы. Если допустить, что «Сын Русе» был подготовлен в 1833 году, после того как М. Шашкевич был вторично принят в число воспитанников Львовской духовной семинарии, то тем самым следует признать, что этот сборник составлен почти одновременно с «Зорей». «Зоря» 4 мая 1834 года уже была представлена М. Шашкевичем в цензуру. Однако характер «Сына Русе» и «Зори» столь различен, что их не может не разделять какой-то период, в который успели существенно развиться и созреть мировоззрение и литературный талант их основного автора. Даже при самом общем ознакомлении с этими двумя сборниками становится очевидным, что если «Сын Русе» — рукописный журнал, написанный неопытной ученической рукой, то «Зоря» — это литературный сборник, на материале которого была издана «Русалка Днестровая». Еще более убедительным обстоятельством является отсутствие в числе авторов «Сына Руси» Я. Головацкого и И. Вагилевича, что, очевидно, было бы невозможно

¹ См. отношение ректора Львовской духовной семинарии митрополиту Левицкому от 18 февраля 1830 года. Корреспонденция Я. Головацкого в 1835—1849 годах. Львов, 1909, стр. СХI—СХIII.

после их сближения с Маркианом Шашкевичем, произошедшего не позднее 1832 года¹.

История публикации «Сына Русе» такова: в первых двух номерах «Беседы» за 1887 год под заголовком «Образец галицко-русской письменности» были напечатаны стихотворения из тетради, переданной А. Петрушевичем библиотеке «Народного дома». Эта тетрадь, представлявшая рукописный литературный сборник и озаглавленная «Сын Русе», была, в свою очередь, получена А. Петрушевичем от некоего Януария Рудницкого, прихожанина села Унева. В тетради А. Петрушевича была проставлена дата — 1833 год. На основании этого редакция «Беседы» и сообщила читателям, что публикуемые стихотворения Маркиана Шашкевича и других его семинарских товарищей написаны «во Львове в 1833 году». Позднее сборник «Сын Русе» был в приложении к «Корреспонденции Я. Головацкого в 1835—1849 годах»² напечатан полностью. Причем было высказано предположение, что тетрадь Петрушевича представляет не подлинную рукопись Маркиана Шашкевича и его друзей, а кем-то сделанную копию.

Вопрос же о том, что указывает проставленная в тетради А. Петрушевича дата—1833 год, здесь не поднимался. А ведь эта дата сама по себе ни о чем еще не говорит. Она могла означать и время составления копии и год, когда рукопись попала к Януарию Рудницкому.

Отнесение времени составления «Сына Русе» к 1833 году уже само по себе указывало, что авторами этого сборника вместе с Маркианом Шашкевичем были остальные члены «русской троицы». Поэтому такой авторитетный исследователь, как А. Белецкий, и пишет, что рукописный сборник «Сын Русе» составил М. Шашкевич, Я. Головацкий и И. Вагилевич³. В действительности же, как мы уже упоминали, Я. Головацкий и И. Вагилевич не были в числе его авторов. Больше того, Я. Головацкий впервые узнал о существовании «Сына Русе» лишь в 1887 году, после его опубликования в «Беседе». На появление «Сына Русе» Я. Головацкий откликнулся статьей «Первенцы галицко-русской письменности с 1840-х годов». Из этой статьи, напечатанной на страницах той же «Беседы», явствует, что Я. Головацкий не только не участвовал в составлении этого сборника, но никогда о нем ранее не слыхивал и вообще о его существовании не имел ни малейшего представления.

Я. Головацкий этот сборник никак не связывал с именем

¹ И. Вагилевич в письме к М. Погодину от 26 июня 1843 года сообщает, что он познакомился с Маркианом Шашкевичем в 1829 году. Это указание ошибочно. Знакомство произошло не ранее 1830 года. (См. И. О н и ш к е в и ч. «Руска бібліотека», т. III, Львов, 1884, стр. 180).

² Корреспонденция Я. Головацкого в 1835—1849 годах. Львов, 1909, стр. СХІV—СХХV.

³ «Русалка Дністрова». Киев, 1950, стр. 11.

Маркиана Шашкевича и называет его составителя «неизвестным собирателем». Я. Головацкий даже пытается найти объяснение тому факту, что не М. Шашкевич составитель этого сборника. Он пишет, что М. Шашкевич в 1833 году в семинарии из-за болезни тифом не находился, а сдавал экзамены экстерном. «Но у него было много знакомых в семинарии», — добавляет здесь же Я. Головацкий, — и влияние его на коллег было громадное. В то время он приготовил род альманаха «Зоря» и послал в цензуру»¹.

В настоящее время ни у кого не возникает никаких сомнений, что инициатором и составителем «Сына Русе» был Маркиан Шашкевич. И тот факт, что его ближайший друг и единомышленник Я. Головацкий не участвовал в составлении этого сборника и вообще ничего не знал о нем, несомненно, подтверждает высказанное нами соображение, что «Сын Русе» создан в первый период пребывания Маркиана Шашкевича во Львовской духовной семинарии до знакомства и сближения его с Я. Головацким и И. Вагилевичем.

Это обстоятельство объясняет многое. Как ни слаб в художественном отношении «Сын Русе», в нем были выражены, хотя и в наивной форме, горячие патриотические чувства, гордость героическим прошлым украинского и русского народов, тоска по утраченной русинами государственной независимости, вражда к иноземным поработителям, воспевание родной природы. Такой образ мыслей и чувств, разумеется, был не по душе пресмыкающемуся перед австрийскими властями семинарскому начальству. Оппозиционные взгляды Маркиана Шашкевича имеют прямое отношение к польскому революционному движению 30-х годов, в которое были вовлечены и многие представители украинской учащейся молодежи.

О дружбе и единомыслии в начале 30-х годов Маркиана Шашкевича с польской революционной молодежью писал Я. Головацкий, рассказывая об одном из представителей этой молодежи, мазуре Жеготе Паули. Для характеристики отношения друзей Маркиана Шашкевича, в том числе и друзей из числа поборников польского национально-освободительного движения, к русской культуре и русскому народу небезынтересно отметить, что Жегота Паули тогда уже переводил на польский язык великорусские былины, а Белевский — «Слово о полку Игореве». Я. Головацкий вспоминает, что он лично «не доверял Жеготе Паули, а Шашкевич был рад, что идея славянства пускает корни на польской почве и что Паули стоит за демократический принцип, так как он собирал песни польского люда, и поэтому он считал его безвредным, находя, что будто на основании демократического устройства ляхи нам не опасны...»².

¹ «Беседа», № 5, Львов. 1887, стр. 56.

² Я. Головацкий. Пережитое и перестраданное. «Литературный сборник». Львов, 1885, стр. 14.

Далее Я. Головацкий пишет, что он сдержанно относился к проявлениям польского патриотизма, «неохотно поддавался таким внушениям и не верил польским мечтателям». Тем более убедительно звучит его утверждение, что Маркиан Шашкевич видел в демократически настроенной польской молодежи своих соратников и друзей, что демократическая Польша, по его мнению, приемлема и для украинского населения ее. Таким образом, Маркиан Шашкевич стоял на голову выше массы современных ему и последующих представителей украинской интеллигенции, которые еще и в 60-х годах не умели различить польскую демократическую общественность и польскую реакционную шляхту, во всем усматривали польскую интригу и были неспособны в решении социальных вопросов «руководиться не прадедовскими отношениями, а нынешними своими надобностями»¹.

В дальнейшем Маркиан Шашкевич оказывается в стороне от польского революционного движения 30-х годов, и это понятно. Польское восстание 1830—1831 годов встречает не только сочувствие, но и глухую, по мере развития движения нарастающую оппозицию среди украинского крестьянства.

Польское восстание 1830 года Энгельс называл консервативной революцией. «Восстание 1830 года не было ни национальной революцией (оно исключало три четверти Польши), ни социальной или политической революцией; оно ничего не изменяло во внутреннем положении народа; это была консервативная революция»². Таким образом, ни национальный, ни социальный вопросы не нашли удовлетворительного разрешения в программе польских повстанцев. Отсюда двойственное и противоречивое отношение к польской революции 1830 года украинского населения. Передовые представители его, несомненно, сочувствовали стремлениям возрождения польской государственности в ее относительно свободной, буржуазно-демократической форме. К числу их относился и Маркиан Шашкевич. В то же время консервативная программа и великодержавные притязания польских легионеров служили сильнейшим основанием для поддержания веками сложившегося недоверия и враждебности украинцев к польскому владычеству.

Непрекращающиеся попытки полонизации украинского населения, естественно, порождали в последнем протест и укрепляли его стремление к национальной независимости, усиливали русофильские симпатии. На этой почве возник во Львове русофильский кружок украинской учащейся молодежи, возглавляемый Маркианом Шашкевичем и называемый «русской троицей». В состав «русской троицы», кроме самого Маркиана Шашкевича, входили его друзья Яков Головацкий и Иван Ва-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, Гослитиздат, 1950, стр. 777.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 265.